ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВЫ ДВУСТОРОННЕМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ УЗБЕКИСТАНА И РОССИИ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВ, СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ, ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ ОСНОВЫ.

Маннопова Ойдин Султоналиевна
кандидат политических наук,
научный соискатель Института перспективных международных исследований при УМЭД
тел: +998(97)7750562
E-mail: oydin-mannopova@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются долгосрочные перспективы и ключевые вызовы двустороннего сотрудничества между Узбекистаном и Россией в контексте продолжающихся социальных преобразований, смены поколений в политической элите и эволюции систем ценностей. В исследовании анализируется влияние демографической динамики, процессов модернизации, цифровизации, миграции, образовательного обмена и изменения геополитических приоритетов на межгосударственные отношения и региональное сотрудничество. Особое внимание уделяется трансформации общественного сознания, растущей роли молодежи в политической и экономической жизни, а также изменению представлений о суверенитете, идентичности и стратегическом партнерстве в обеих странах. В статье также исследуется влияние глобальной политической и экономической нестабильности на двустороннее взаимодействие, включая вызовы, связанные с безопасностью, трудовой миграцией, экономической интеграцией и культурным диалогом.

Ключевые слова: Узбекистан, Россия, двустороннее сотрудничество, стратегическое партнерство, социальные преобразования, политические поколения, трансформация ценностей, региональная безопасность, геополитика, экономическая интеграция, миграция, культурная дипломатия, модернизация, молодежная политика, международные отношения.

Введение

Анализ долгосрочных перспектив узбекско-российских отношений был бы неполным без системного рассмотрения внутренних социально-политических процессов, протекающих в обоих государствах. Именно трансформация обществ, смена управленческих поколений, эволюция ценностных систем и изменение роли религии образуют ту глубинную основу, на которой строятся внешнеполитические стратегии государств. Данная статья посвящена исследованию этих факторов применительно к Узбекистану и России в их взаимосвязи с динамикой двустороннего сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Основная часть

Актуальность рассмотрения указанных вызовов обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, оба государства переживают ускоренную социальную модернизацию, сопровождающуюся сменой ценностных ориентиров, ростом политической субъектности молодёжи и расширением роли цифровой информационной среды. Во-вторых, религиозный и культурный факторы, традиционно рассматриваемые как сугубо внутреннее дело государств, всё активнее влияют на общественное восприятие международного партнёрства и формирование внешнеполитических ожиданий общества. В-третьих, эволюционная смена политических поколений в Узбекистане и России несёт с собой потенциал как для углубления взаимопонимания, так и для возможного появления новых спорных зон, природу которых важно заблаговременно осмыслить[5].

Узбекистанское общество с момента обретения независимости в 1991 году прошло несколько принципиально различных этапов трансформации, каждый из которых оставил заметный след в ценностной системе, политических установках и внешнеполитических ориентациях граждан. На первом этапе (1991–2016) государство сосредоточилось на укреплении национальной идентичности и формировании новых институтов власти, нередко опираясь на традиционные и культурные скрепы как инструмент легитимации[10]. В этот период преобладающей моделью являлась государственная мобилизация общества вокруг задач независимости и суверенитета, тогда как пространство для автономного гражданского развития оставалось весьма ограниченным[12].

После 2016 года, с началом реформ Президента Республики Узбекистан Шавката Миромоновича Мирзиёева, траектория социальной трансформации существенно изменилась. Новая редакция Конституции Республики Узбекистан 2023 года закрепила принципы либерализации общественной жизни, усиления роли личности, межнационального и межконфессионального согласия. В государственной идеологии был сделан акцент на концепции «Нового Узбекистана», предполагающей не только экономическую модернизацию, но и обновление социальной среды, расширение прав граждан и формирование открытого гражданского общества[1]. Исследователи фиксируют, что реформы сопровождались постепенной либерализацией публичного пространства, в том числе, расширением свободы средств массовой информации, частичным снятием ограничений на деятельность ННО, активизацией парламентской дискуссии[13].

Демографическая структура Узбекистана создаёт особую социально-политическую динамику. Согласно официальным данным на 2025 год, дети до 14 лет составляют около 30 процентов населения, а молодёжь от 14 до 30 лет около 9,63 млн человек, или 25,7 процента населения, то есть, около 55,7%[14]. Это означает, что подавляющая часть узбекистанского общества принадлежит к поколению, социализированному уже в условиях независимой государственности, а не советского прошлого. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания долгосрочных ориентиров внешней

политики Узбекистана. Так, молодое поколение уже не несёт груза ни советских интеграционных рефлексов, ни постсоветских обид и ресентиментов. Молодые граждане будут воспринимать Россию прежде всего через прагматическую призму экономических возможностей, образования и трудовой миграции.

Вместе с тем стремительная цифровизация общественной жизни создаёт качественно новую информационную среду, в которой формируются политические ценности молодого поколения. Доступность глобальных информационных платформ, расширение контактов с зарубежными образовательными учреждениями, рост числа узбекистанцев, получивших образование за рубежом и т.д., формирует более критичный, сравнительный и глобально ориентированный взгляд на международные отношения[15]. В контексте узбекско-российских отношений это означает, что общественное восприятие данного партнёрства будет всё в большей мере определяться не культурной близостью или историческими связями, а оценкой конкретных результатов сотрудничества: рабочих мест, качества образования, технологического трансфера, инвестиционных возможностей.

Другим ключевым долгосрочным фактором, влияющим на характер узбекско-российских отношений, является постепенная смена поколений в политической и административной элите Узбекистана. Реформы Нового Узбекистана сопровождались целенаправленным обновлением кадрового состава государственного управления и дипломатической службы. Введённая система межведомственной ротации кадров, расширение программ подготовки специалистов в зарубежных университетах, работа Академии государственного управления при Президенте, исследовательская деятельность при Университете мировой экономики и дипломатии Дипломатической академии и Института перспективных международных исследований[11] и многое другое свидетельствует об осознанном стремлении власти к формированию нового типа управленческой элиты.

Для узбекско-российских отношений смена управленческих поколений имеет двоякое значение. С одной стороны, новое поколение дипломатов и государственных менеджеров Узбекистана в большей мере ориентировано на многовекторность, прагматизм и диверсификацию партнёрств, в том числе за счёт активного взаимодействия с Китаем, западными институтами и международными организациями. С другой стороны, это поколение лишено идеологических предубеждений в отношении России, так как не несёт антироссийских рефлексов, порождённых советской зависимостью, и готово выстраивать прагматическое партнёрство на основе взаимной выгоды. Таким образом, на наш взгляд, смена элит создаёт условия для более рационального, менее исторически отягощённого характера двусторонних отношений, что одновременно является и перспективой, и вызовом, поскольку требует от обеих сторон соответствующей адаптации своих подходов.

Параллельные процессы социальной трансформации происходят и в России, однако их вектор, темп и содержание существенно отличаются от контекста Узбекистана. Военный конфликт с Украиной, начавшийся в феврале

2022 года, стал мощным катализатором социально-политических изменений в российском обществе, резко ускорив ряд давно наметившихся тенденций. Прежде всего, произошла глубокая поляризация общества, когда часть образованного городского класса, ориентированного на европейские ценности, эмигрировала или перешла во внутреннюю оппозицию, тогда как государство усилило опору на консервативные, традиционалистские и патриотические слои населения[7].

С точки зрения смены политических поколений, российская ситуация существенно сложнее. Несмотря на то что ряд исследователей отмечает формирование в российских государственных структурах нового поколения технократически ориентированных управленцев, в целом политическая система продолжает характеризоваться высокой степенью централизации принятия решений (т.н. «ручное управление»). При этом механизмы обновления элит и последовательной смены поколений остаются ограниченными, что во многом связано с особенностями функционирования избирательной системы и институциональной модели политической преемственности[9].

В этом отношении между двумя государствами наблюдается структурное расхождение. Узбекистан, при всем персонализме своей системы, демонстрирует более управляемую и целенаправленную элитную ротацию, тогда как российская политическая система переживает нарастающую неопределённость в вопросах преемственности власти. Для узбекско-российских отношений данная асимметрия несёт конкретные последствия. Узбекистанская сторона, заинтересованная в предсказуемости и институциональной стабильности партнёра, вынуждена учитывать сценарии возможных политических турбулентностей в России[8].

Эта неопределённость дополнительно стимулирует стратегию диверсификации внешних связей. При этом, данная тенденция не является антироссийским курсом, а, наоборот, есть рациональный управленческий ответ на структурные риски чрезмерной зависимости от партнёра, находящегося в условиях международной турбулентности.

Параллельно со сменой управленческих поколений в обоих обществах происходит глубокая эволюция ценностных ориентиров, опосредованная прежде всего цифровизацией и глобализацией информационного пространства. В Узбекистане данный процесс имеет особое измерение, где молодёжь, составляющая большинство населения, получает информацию о мире, международных отношениях и двустороннем партнёрстве не через официальные государственные каналы, а через социальные сети, международные медиаплатформы и неформальные коммуникационные сети диаспоры. Как отмечает узбекский ученый Д.Ташмухамедова, в условиях цифровой трансформации общества информационная виртуальная среда, включая Интернет и социальные сети, оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций и моделей поведения молодежи Узбекистана, становясь важным источником информации и коммуникации для молодого поколения[2].

Это порождает новое явление, которое можно обозначить как «ценностный дрейф снизу», когда общественные ожидания в отношении международного сотрудничества формируются параллельно с официальной дипломатией и нередко расходятся с ней. Узбекистанская молодёжь, представители которой имеют опыт трудовой миграции в Россию или обучения в российских вузах, формирует сложный, противоречивый образ партнёра[3]. С одной стороны, данное направление продолжает восприниматься как пространство значительных экономических возможностей и близкой культурной среды, с другой стороны, особенности современной внешнеполитической динамики этого государства формируют для части общества определённые зоны ценностного и мировоззренческого напряжения[6]. Преодоление этого разрыва требует от обеих сторон инвестиций в публичную дипломатию нового поколения, ориентированную на прямой диалог с молодёжной аудиторией через цифровые форматы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирзиёев Ш.М. Новый Узбекистан - страна демократических преобразований // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 17 августа 2021. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/4547.
2. Ташмухамедова Д.Г. Подросток в виртуальном мире (на материалах Узбекистана) // Вестник антропологии. — 2023. — № 1. — С. 256–276. — URL: https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/article/download/1040/1259.
3. По состоянию на 2025 год на территории Российской Федерации находилось около 1,5 миллиона граждан Узбекистана (Миграционные итоги 2025 года: людские потоки в России // Ритм Евразии. — URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-01-10--rossija-migracionnye-itogi-2025.-ljudskie-potoki-85127.
4. Isaacs R.F., Marat E. Introducing Central Asian Studies // In: Isaacs R. F., Marat E. (eds.) Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. — London: Routledge, 2021. — DOI: 10.4324/9780429057977.
5. Laruelle M. Central Peripheries: Nationhood in Central Asia. — London: UCL Press, 2022. — 244 p.-1
6. Laruelle M. Russia's Ideological Construction in the Context of the War in Ukraine. — Paris: IFRI, 2024. — URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_laruelle_russia_ideology_2024.pdf.
7. Greene S., Robertson G. Putin v. the People: The Perilous Politics of a Divided Russia. — New Haven: Yale University Press, 2023. — 336 p.
8. Gel'man V. The Politics of Bad Governance in Contemporary Russia. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. — 312 p.
9. Hale H.E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // Problems of Post-Communism. — 2021. — Vol. 68. — No. 5. — P. 353–368.

10. Tolipov F. New Regionalism in Central Asia. — Vienna: Institute for International Peace (IIP), 2021. — URL: https://www.iipvienna.com/30-years-on-blogs/2021/12/7/new-regionalism-in-central-asia. -2
11. Safoev S. Shavkat Mirziyoyev: Regional Leadership and a Multi-Vector Strategy // International Affairs. — 2023. — No. 9–10. — P. 4–15. — URL: https://international-affairs.uz/ru/download-archive-file/192
12. Starr S.F., Cornell S.E. (eds.) Uzbekistan's New Face: The Transformation of Central Asia's Largest State. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. — 344 p.
13. Weitz R. Uzbekistan's Foreign Policy: Change and Continuity under Mirziyoyev. — Washington – Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2018. — URL: https://silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/1801Weitz.pdf.
14. How many young people are there in Uzbekistan? // Stat.uz. — URL: https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/63007-o-zbekistonda-yoshlar-soni-qancha-3
15. United Nations Development Programme (UNDP). Digital Economy of Uzbekistan: The State of Digital Entrepreneurship and Artificial Intelligence. — Tashkent: UNDP Uzbekistan, 2025. — URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-05/uz_digital-economy-study_eng.pdf.

